

М. И. МИХАЙЛОВ

БОРЬБА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА ЗА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ СПЛОЧЕНИЕ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс высоко подняли знамя пролетарского интернационализма. Они считали развитие и укрепление международной пролетарской солидарности непременным условием успешной борьбы за создание нового общественного строя — коммунизма.

В первом программном документе научного коммунизма — «Манифесте Коммунистической партии» — Маркс и Энгельс подчеркивали, что коммунисты на различных этапах освободительной борьбы рабочего класса отстаивают общие, независимые от национальности интересы всего пролетариата. Боевой девиз Манифеста — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» является концентрированным выражением идеи пролетарского интернационализма.

Маркс и Энгельс были не только великими теоретиками пролетариата, но и организаторами его революционной борьбы, посвятившими всю свою жизнь делу освобождения самого угнетенного класса буржуазного общества, делу создания пролетарской партии. Они не только провозгласили принцип пролетарского интернационализма, но и настойчиво добивались его торжества в рабочем движении.

Деятельность Маркса и Энгельса в международных организациях рабочего класса — в Союзе коммунистов, в I Интернационале, их руководство национальными социал-демократическими партиями проходили под знаком борьбы за международное единство рабочего класса на основе принципов пролетарского интернационализма.

Отмечая 140-летие со дня рождения Карла Маркса, мы вправе сказать, что идеи пролетарского интернационализма, за которые так упорно, настойчиво и успешно боролся Маркс, являются ныне знаменем международного коммунистического движения.

* * *

Некоторые известные нам документы позволяют исследовать важный, по нашему мнению, и недостаточно изученный этап из истории борьбы Маркса и Энгельса за интернациональное сплочение революционных сил, связанный с попыткой создания весной 1850 г. организации под названием Всемирное общество коммунистов-революционеров, и проследить отношения Союза коммунистов с бланкистами и революционным крылом чартизма.

Борьба Маркса и Энгельса за создание пролетарской партии имела в середине XIX в. ряд особенностей. Одной из них являлось стремление создать международную революционную организацию. Существование же национальных партий было признано в то время несвоевременным, отчасти по той причине, что марксизм лишь нащупывал свою дорогу в рабо-

чем движении, и поэтому ни в одной стране не имелось сколько-нибудь значительного числа его последовательных сторонников, способных составить ядро массовой пролетарской партии, отчасти по причине безусловно правильного тогда мнения, что всякая победоносная пролетарская революция может быть лишь общеевропейской.

Маркс и Энгельс считали в тот период, что германские рабочие призваны историей быть знаменосцами для рабочих Севера и Востока Европы. Одним из важнейших условий успеха общеевропейского революционного движения они считали победу французского пролетариата. «Освобождение Европы,— писал Маркс,— будь то завоевание угнетенными национальностями независимости, будь то низвержение феодального абсолютизма — обусловлено победоносным восстанием французского рабочего класса»¹.

Однако для победы европейской революции, отмечали Маркс и Энгельс, недостаточно победы рабочего класса Франции и даже всего континента. Европейская революция может быть успешно завершена лишь при условии присоединения к ней Англии. «Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии,— писал Маркс,— только буря в стакане воды»².

Исходя из того, что решающую роль в предстоящей революции призваны были сыграть французские и английские пролетарии, Маркс, Энгельс и их друзья по Союзу коммунистов стремились установить как можно более тесные связи с левыми лидерами революционного движения обеих стран. Ни в Англии, ни во Франции не было в то время самостоятельных партий пролетариата. Тем не менее в обеих странах шло и развивалось живое пролетарское движение, лидерами которого во Франции в известной степени являлись бланкисты, в Англии — левое крыло чартистов, вожди которого Гарни и Джонс были членами Союза коммунистов. Программа чартистов, а тем более система Бланки строились на иных принципах, чем «Манифест Коммунистической партии». Однако эти направления отражали, в известной мере, тогдашнее состояние рабочего движения.

Маркс и Энгельс, приехавшие в Лондон осенью 1849 г., стремились восстановить свои прежние связи с чартистами и бланкистами, расширить и углубить их, завязать новые, чтобы привлечь революционные элементы тех и других к делу создания международной организации пролетариата.

Это был период, когда революции 1848—1849 гг. потерпели поражение. Однако и потерпевшие поражение революции являлись локомотивами истории. Маркс считал, что в этих поражениях погибла не революция, погибли пережитки дореволюционных традиций, иллюзии, планы, проекты, от которых революционная партия могла освободиться лишь в ходе революционной борьбы. В эпоху революционных событий народные массы испытывают свои силы, проверяют правильность социально-экономических доктрин и различных политических платформ, выдвигаемых их идеологами. Революции широко раскрывают все внутренние противоречия общественных классов, обнажают борьбу классов за власть.

Одним из важнейших уроков событий 1848—1849 гг. для пролетариата явились испытание его идеологического оружия и проверка его политической тактики. Предреволюционная эпоха была периодом формирования пролетариата в «класс для себя». Начался процесс выделения пролетариата из общей массы мелкобуржуазного «народа». Но неразвитость классовых противоречий — бывшая следствием неразвитости капиталистической экономики — стала политической основой господства в ходе революций мелкобуржуазных социалистических доктрин, идеализировавших преобразования, которые не выходили из рамок буржуазных отношений. Среди пролетариата и полупролетариата были распространены

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 160.

² Там же, стр. 159—160.

учения утопического социализма и коммунизма: сен-симонизм, фурьеризм, оуэнизм, вейтлингианство, дублановщина, бланкизм и другие.

Революции 1848—1849 гг. нанесли смертельный удар всем формам домарковского социализма. Мелкобуржуазные социалистические доктрины не выдержали испытания потому, что революционные события, в особенности июньские дни в Париже, окончательно определили социалистическую природу одного пролетариата. В процессе революционной борьбы не выдержали проверки также различные утопические проекты чартистских лидеров, а также доктрина Огюста Бланки. Однако под знаменем чартизма и бланкизма и после поражения революции продолжали группироваться различные социальные силы — пролетариат и мелкая буржуазия, революционные и соглашательские элементы.

В этих условиях одна из задач Союза коммунистов — единственной в то время марксистской организации — заключалась в том, чтобы способствовать дальнейшему размежеванию между пролетариатом и мелкой буржуазией, выделению и формированию пролетарского ядра, порвавшего с мелкобуржуазными иллюзиями. Разбив многие иллюзии пролетариата, революции 1848—1849 гг. создавали известные идеологические и политические предпосылки для привлечения наиболее революционной части рабочего класса на сторону научного коммунизма. Складывались условия для образования международной пролетарской организации.

Ее ядром должен был стать Союз коммунистов, программные, организационные и тактические принципы которого могли быть положены в основу предполагаемого международного объединения. К весне 1850 г. Союз коммунистов значительно активизировал свою работу. Благодаря деятельности коммунистов в Комитете помощи немецким политическим эмигрантам вокруг них сплотилась значительная часть революционной эмиграции в Лондоне³. Союз имел свой печатный орган — «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*», на страницах которого подводились итоги революций 1848—1849 гг. и намечались перспективы дальнейшего развития революционного движения. В большинстве крупных городов Германии были вновь организованы общины Союза коммунистов⁴. Они связались с рабочими и крестьянскими организациями и играли в них руководящую роль. «Союз был безусловно единственной революционной организацией, имевшей значение в Германии», — писал Энгельс⁵. Была предпринята попытка реорганизации общин Союза в Швейцарии⁶.

Маркс и Энгельс считали целесообразным установление более тесных связей с французскими бланкистами, в частности через бланкистских деятелей, находившихся в эмиграции в Лондоне, — Адана, Видиля и Бартелеми. Маркс и Энгельс знали, что взгляды Огюста Бланки и его последователей не основывались на научной социалистической теории, а представляли собой разновидность революционного утопического коммунизма. Бланки не имел правильного представления ни о классовой сущности пролетариата, ни о его особой исторической роли. Бланки включал в понятие «пролетариат» не только рабочих, но и крестьянство, мелкую буржуазию, интеллигенцию. У бланкистов не было также определенных планов переустройства общества. Они верили, что небольшое, хорошо организованное меньшинство способно увлечь за собой народную массу и захватить власть. Бланки не понимал, что для победы революции необходима организация пролетарской партии, опирающейся на массовое рабочее движение. Он пытался подменить борьбу за создание пролетарской партии деятельностью тайной группы заговорщиков.

³ См. Э. Цобель и С. Кан. Маркс — организатор помощи жертвам белого террора. М., 1934, стр. 9—22.

⁴ См. К. Оберманн. Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten 1849 bis 1852. Berlin, 1955, S. 27—35.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. т. II. М., 1955, стр. 335.

⁶ См. М. И. Михайлов. К вопросу о реорганизации Союза коммунистов. — «Новая и новейшая история», 1957, № 2, стр. 69—89.

«Бланкизм, — писал В. И. Ленин, — есть теория, отрицающая классовую борьбу. Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства»⁷. Сильная сторона бланкизма состояла в том, что он признавал необходимость политической борьбы. Его слабостью являлась неспособность представить себе политическую борьбу иначе, как в форме заговора; этим самым политическая борьба не только суживалась, но и направлялась по неправильному пути.

Бланкисты часто говорили о перманентной революции и диктатуре пролетариата. Но призывы бланкистов имели лишь внешнее сходство с лозунгами Союза коммунистов. Марксисты считали перманентную революцию и диктатуру пролетариата условием перехода от капитализма к социализму. По мнению же бланкистов, необходимость диктатуры после успеха восстания вытекала из того, что революция или точнее государственный переворот должен был быть произведен небольшим революционным меньшинством. Поэтому после победы была бы установлена диктатура не всего революционного класса — пролетариата, а небольшого числа лиц, которые руководили вооруженной борьбой во время переворота; эти лица, в свою очередь, уже заранее подчинялись диктатуре одного или нескольких лиц. Функции революционной диктатуры сводились по преимуществу к подавлению сопротивляющейся контрреволюции. Вся созидательная работа по строительству нового общества, суть которой для бланкистов была далеко не ясной, переносилась из рамок диктатуры пролетариата в совершенно иной тип государственного строя, весьма похожий на буржуазно-демократическую республику.

Маркс был хорошо знаком с деятельностью бланкистов. Еще во время своего первого пребывания в Париже в 1843—1844 гг. он поддерживал личные отношения с вождями многих тайных французских рабочих обществ, подавляющее большинство которых было бланкистскими. Будучи связанным с руководителями тайных обществ, Маркс не входил ни в одно из них, ибо всегда был противником заговорщической тактики. Из этих же соображений Маркс и Энгельс, как известно, отвергли предложение вождей «Союза справедливых» о вступлении в эту организацию. Лишь убедившись в том, что руководители Союза пришли к убеждению «в необходимости освободить Союз от старых заговорщических традиций и форм»⁸, Маркс и Энгельс вступили в него.

В период революции 1848 г. Маркс и Энгельс принимали все меры к тому, чтобы избежать превращения Союза коммунистов в заговорщическую организацию. Весной 1849 г. они отвергли предложение Шашпера и Молля о вступлении в реконструированный ЦК Союза, ибо последний был склонен к заговорам⁹. В 1850 г. Маркс и Энгельс подвергли беспощадной критике тактику заговорщиков в рецензиях на книги Шенк и Делаода¹⁰. И в дальнейшем Маркс и Энгельс энергично препятствовали всем попыткам совлечь рабочее движение с правильного пути политической и экономической борьбы под руководством пролетарской партии на путь заговорщества, сектантства, бланкизма.

Тем не менее весной 1850 г. Маркс и Энгельс считали нужным сблизиться с представителями бланкизма и даже заключить с ними определенное соглашение.

Дело было прежде всего в том, что если в вопросах теории Бланки не удалось подняться выше уровня революционного мелкобуржуазного демократа, то в практике революционной борьбы Бланки отличался большой энергией и решительностью. Он искренне ненавидел буржуазное общество, стремился способствовать освобождению пролетариата, обладал хоро-

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 360.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 329.

⁹ Landeshauptarchiv Brandenburg. Potsdam. Rep. 30. Tit. 94, lit. «R», № 208.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 280—294.

шим революционным тактом, смело разоблачал псевдосоциалистические концепции реформистского пути к социализму. Эти качества Бланки высоко ценили Маркс и Энгельс, которые относились к «вечному узнику» с симпатией и уважением¹¹. В работе «Классовая борьба во Франции» Маркс противопоставил доктринерскому мелкобуржуазному социализму Луи Блана революционный социализм, коммунизм, идеями которого все больше и больше проникался пролетариат и который сама буржуазия связывала с именем Бланки. «Этот социализм,— писал Маркс,— есть *объявление непрерывной революции, классовая диктатура* пролетариата как необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще*, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений»¹².

Опыт революции 1848 г. наглядно показал, что бланкисты в период революции выступали как представители наиболее крайнего, по существу пролетарского, крыла революционной демократии. Поэтому во время революции марксисты не могли не стремиться к заключению соглашения с этой наиболее революционной фракцией утопического коммунизма, которую поддерживали многие французские пролетарии.

Весной 1850 г. Маркс, Энгельс и их единомышленники верили в неизбежность в ближайшем будущем нового подъема революции во Франции и были убеждены, что бланкисты сыграют в ней выдающуюся роль. Вот что писал, например, Энгельсу активный деятель Союза коммунистов Дронке.

«Как выглядит Париж, я не могу тебе каждый раз описывать. Что люди стоят до сих пор за мятеж всеми силами, что они вынудили дурака Наполеона дать избирательное право и что они имеют на своей стороне не только национальную гвардию, как в феврале, но и войско,— это общеизвестно. После голосования нового закона, который не будет принят¹³, начнется борьба в Париже и в департаментах. Партия, которая придет к власти, возглавляется не полубогами временного правительства Альбером, Луи Бланом или Барбесом, а Бланки»¹⁴. Поэтому Дронке настаивал на необходимости соглашения с бланкистами.

Маркс и Энгельс рассматривали тогда бланкистов как своих возможных союзников в борьбе против мелкобуржуазной демократии, группировавшейся вокруг Ледрю Роллена, Луи Блана и других, которые после поражения революции выступали с нападками на пролетарских революционеров.

В это же время Маркс и Энгельс установили контакт с чартистами¹⁵,

¹¹ В. И. Ленин тоже называл Бланки несомненным революционером и горячим сторонником социализма.— См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 437.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 91.

¹³ Дронке имел в виду новый избирательный закон, который, вопреки его предположению, был принят Законодательным собранием 31 мая 1850 г. Этот закон отменял всеобщее избирательное право.

¹⁴ Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — Архив ИМЛ), ф. 1, оп. 5, док. 3090/5931.

¹⁵ Проблема взаимоотношений Маркса и Энгельса с чартистами, в особенности с лидерами левого крыла, не раз являлась предметом исследования советских историков. В частности, В. Ф. Семенов в статье «Маркс и Энгельс и чартизм» («Историк-марксист», 1933, № 1) сумел воссоздать достаточно полную картину связей Маркса и Энгельса с чартистским движением. Автор сделал правильные выводы по вопросу об оценке чартистского движения Марксом и Энгельсом и об их участии в нем. Однако архивные фонды Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в статье не были использованы. Вне поля зрения В. Ф. Семенова осталась и чартистская пресса 50-х годов XIX в.

Этой же проблеме посвятил свою статью «К. Маркс. Ф. Энгельс и революционные чартисты» Г. Быков («Борьба классов», 1934, № 10). Его работа носит популярный характер и основана исключительно на трудах Маркса и Энгельса и их переписке.

Большой интерес для исследователя данной проблемы представляет статья

в первую очередь с Гарни — видным деятелем английского рабочего движения¹⁶.

Маркс и Энгельс поддержали стремление лидеров левого крыла чартизма порвать с примиренческой фракцией О'Коннора и его сторонников и создать самостоятельную партию, которая должна была направить рабочее движение по революционному пути. К сожалению, исследовать все стороны взаимоотношений Маркса и Энгельса с Гарни в начале 50-х годов не представляется возможным из-за отсутствия документов. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют установить некоторые важные детали их отношений.

Сохранившиеся письма Гарни и Джонса к Марксу и Энгельсу свидетельствуют о близости вождей Союза коммунистов к лидерам революционного крыла чартизма. Так, например, 28 марта 1849 г. Гарни писал Энгельсу о серьезном конфликте с О'Коннором и высказал предположение, что примирение невозможно. «Наступит время, — писал он, — когда мне понадобится твоя братская помощь, и это, вероятно, случится скоро. Поэтому я буду рад узнать, могу ли я рассчитывать на тебя в надлежащий момент»¹⁷. Известно, что Маркс и Энгельс постоянно поддерживали Гарни и Джонса в их борьбе против примиренческой фракции О'Коннора.

Маркс, Энгельс и их друзья по Союзу коммунистов нередко выступали на собраниях чартистского общества «Братских демократов». Сведения об этом проникали в демократическую прессу, но, к сожалению, не всегда, а ее сообщения были недостаточно подробны. «Westdeutsche Zeitung» 19 января 1850 г. опубликовала отчет об участии Маркса и Энгельса в новогоднем банкете общества «Братских демократов» 31 декабря 1849 г.¹⁸ Автор заметки писал, что на многолюдном банкете председательствовал редактор «Northern Star» Джулиан Гарни. Многие ораторы, в том числе чартисты Мессей, Стелвуд и плотник Джеймс Гресби, открыто высказались за необходимость политической революции и применения физической силы. Многие провозглашали тосты за братство всех наций, за красную республику, за революционеров континента. Один из ораторов сказал, что революция политическая должна идти рука об руку с социальной, иначе она не принесет пользы и не будет иметь успеха. Автор заметки, комментируя это положение, отметил, что к такому выводу английские рабочие пришли на основе как опыта собственного движения, так и опыта континентальных революций. Любопытный тост произнес Гарни: «Все мы здесь красные, но все же я могу утверждать, что цвета, здесь присутствующие, охватывают, вероятно, все оттенки между розовым и ярко-красным».

Эти слова Гарни означали, что он, очевидно, не без влияния Маркса и Энгельса пришел к выводу, что наряду с единством «розовых» с «ярко-красными» между ними имеются серьезные разногласия, которые предстоит преодолеть путем борьбы.

И. А. Бах «Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г. Из истории социально-политических идей». На основании тщательного анализа и сопоставления незначительных на первый взгляд фактов И. А. Бах устанавливает дату создания «Общества братских демократов», роль К. Маркса и Ф. Энгельса в организации этого общества, момент знакомства Маркса с Гарни.

Эти исследования посвящены по преимуществу раннему периоду истории чартизма. В меньшей степени изучен период после 1848 г., т. е. именно то время, когда Маркс и Энгельс жили в Англии и были теснее, чем когда-либо, связаны с чартистским движением. Вопросу о связях Маркса и Энгельса с чартизмом в этот период посвящена пока лишь статья Б. А. Рожкова «О программе чартистского конвента 1851 года». («Вопросы истории», 1957, № 2). Статья представляет значительный интерес, однако, на наш взгляд, автор несколько переоценивает теоретическую зрелость чартистской программы 1851 г. и ее влияние на последующее развитие теории научного коммунизма.

¹⁶ Э. Джонс находился в это время в тюрьме.

¹⁷ Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 5, док. 248/7021.

¹⁸ Заметка написана членом Союза коммунистов Конрадом Шраммом; издателем «Westdeutsche Zeitung» был член Союза Герман Беккер.

Кроме чартистов и коммунистов, на банкете присутствовали французские эмигранты: мелкобуржуазный демократ Ландольф и бланкист Бартедеми.

«Весь праздник.— заключала газета,— служит доказательством сильного роста новой демократической революционной партии, образованной из объединения друг с другом крайних чартистов и социалистов»¹⁹. Необходимость выделения левых «крайних» элементов чартизма, принятие ими социалистической программы все время отстаивали Маркс и Энгельс.

1 марта 1850 г. «Westdeutsche Zeitung» поместила отчет о выступлении Энгельса на состоявшемся в Лондоне 25 февраля 1850 г. банкете, посвященном второй годовщине провозглашения Французской республики. На банкете присутствовало свыше 400 республиканцев «демократически-социалистического направления» — представителей различных национальностей. Обширный зал был украшен гирляндами и красными знаменами. Рядом с французским знаменем с девизом «Свобода, Равенство, Братство!» висело немецкое с лозунгом «Да здравствует социал-демократическая республика!». Польские эмигранты принесли свое знамя с белым орлом. «Гражданин Энгельс, редактор «Neue Rheinische Zeitung», произнес тост на французском языке, в котором прославил июньских повстанцев. Один из французских июньских бойцов от имени своих товарищей поблагодарил Энгельса и произнес тост за Германию, революцию которой он назвал преждевременной.

Ни малейшая ссора не нарушила порядок, и юные герои будущего разошлись с окрепшей верой и надеждой на осуществление их высоких человеческих идеалов»²⁰.

5 апреля 1850 г. Маркс и Энгельс приняли участие в международном митинге, организованном обществом «Братские демократы». От имени немецких коммунистов здесь выступил Энгельс, который напомнил собравшимся о славных революционных традициях английского народа. Он отметил, что еще в эпоху буржуазной революции XVII в. возникла такая партия, как левеллеры, и закончил свое выступление тостом в честь английских рабочих. Член Союза коммунистов Конрад Шрамм говорил о необходимости установления диктатуры рабочих как неперемennого условия уничтожения классовых различий и тех общественных условий, которые их порождают. Шрамм закончил свою речь тостом в честь Бланки, как передового представителя французского пролетариата²¹.

В 1850 г. в журнале Гарни «Democratic Review» была напечатана статья Энгельса «Десятичасовой рабочий день». Основная мысль статьи заключалась в том, что никакие уступки правительства господствующих классов не могут привести к серьезному улучшению материального положения рабочих и устранению их политического бесправия. Выход из тупика, в который завели Англию господствующие классы, писал Энгельс, только один: завоевание пролетариатом политической власти.

Появление подобной статьи в чартистской прессе не могло не оказать большое влияние на ее многочисленных читателей — чартистов. Своим острием статья была направлена против примиренцев и сторонников частичных реформ. Предоставление чартистами своей печати для пропаганды таких взглядов свидетельствовало о значительном усилении позиций левых элементов в чартистском движении.

* * *

Активизация деятельности Союза коммунистов, усиление влияния Маркса и Энгельса на левое крыло чартизма, на революционные элементы эмиграции — в том числе и бланкистские — дали положительные резуль-

¹⁹ «Westdeutsche Zeitung», 19.I.1850.

²⁰ «Westdeutsche Zeitung», 1.III.1850.

²¹ «Hornisse», 17.IV.1850, S. 399; «The Democratic Review», May 1850, p. 463.

таты. Однако для дальнейшего развития успешной деятельности Союза нужно было расширить его международные связи, создать условия для внедрения идей научного коммунизма в рабочее движение, найти формы организационного закрепления наметившегося усиления влияния марксизма в революционной среде.

В апреле 1850 г. переговоры ЦК Союза коммунистов с лидерами левого крыла чартизма и представителями революционной французской эмиграции привели к заключению соглашения о создании «Всемирного общества коммунистов-революционеров»²².

Сохранившийся текст соглашения написан рукой Виллиха. Точно установить, кто был автором документа, не представляется возможным. Несомненно, однако, что основные его положения сформулированы Марксом и Энгельсом, а некоторые формулировки, видимо, предложены бланкистами.

Первая статья соглашения имеет программный характер. Она гласит: «Целью общества является низложение всех привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариев путем поддержания непрерывной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой устройства человеческого рода»²³.

Соглашение является первым официальным документом в истории международного рабочего движения, в котором был употреблен термин «диктатура пролетариата»²⁴. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс эту идею, как известно, выразили словами о превращении пролетариата в господствующий класс и завоевании демократии.

Сравнивая первую статью устава Союза коммунистов с первой статьей соглашения, нельзя не заметить существенные различия. В первой статье устава записано: «Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности»²⁵.

Вместо «господство пролетариата» Маркс и Энгельс употребили в соглашении термин «диктатура пролетариата». Это была не просто редакционная поправка, а более четкая формулировка главного в марксизме²⁶.

²² Текст этого в высшей степени интересного документа, подписанного от имени коммунистов Марксом, Энгельсом и Виллихом, от имени бланкистов — Аданом и Видилем, от имени чартистов — Гарни, опубликован в приложении к седьмому тому Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (стр. 551—552).

Впервые договор был опубликован Д. Б. Рязановым во 2-м томе «Очерков по истории марксизма». Рязанов не только прокомментировал этот документ, но и дал анализ взаимоотношений Маркса и Энгельса с бланкистами. Он не затронул, однако, вопроса о месте чартистов в этом обществе и не отметил роли Маркса и Энгельса в борьбе за возрождение чартизма в 50-х годах XIX в.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 551. Приложения.

²⁴ Термин «диктатура пролетариата» впервые был введен в теорию научного коммунизма Марксом в работе «Классовая борьба во Франции», написанной в марте 1850 г. и опубликованной в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». Однако эта работа, хотя и была опубликована в органе Союза коммунистов, не носила характера официального документа, каковым является анализируемый договор.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 524.

²⁶ Термин «диктатура пролетариата», «диктатура рабочего класса» вызвал нападку со стороны представителей мелкобуржуазной демократии и домарковского социализма. Так, например, редактор «Neue Deutsche Zeitung» Отто Люнинг 22 июня 1850 г. опубликовал в своей газете рецензию на все четыре номера «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». Он упрекал в ней Маркса в стремлении установить диктатуру рабочего класса, в то время как следует добиваться уничтожения всяких классовых различий. Несостоятельные ни в научном, ни в политическом отношении возражения Люнинга тем не менее представляли известную опасность, так как могли оказать вредное влияние на тех представителей рабочего класса, которые только еще приближались к пониманию основных идей научного коммунизма. Поэтому Маркс решил выступить с разъяснениями.

В заявлении на имя редактора «Neue Deutsche Zeitung» Маркс указывал: «В фельетоне Вашей газеты от 22 июня сего года Вы бросили мне упрек, что я отстаиваю господство и диктатуру рабочего класса, в то время как Вы, в противоположность мне, придаете значение уничтожению классовых различий вообще. Я не понимаю этой поправки». Далее Маркс указывал, что понятие «господство пролетариата»

Вторым важным моментом в статье первой соглашения является упоминание о перманентной революции как средстве достижения коммунистического общества. Это положение Маркса и Энгельса, как известно, подробно развито в первом Обращении ЦК к Союзу коммунистов²⁷. Перманентная революция и диктатура пролетариата объявлялись важнейшими условиями осуществления коммунизма.

Две недостаточно четкие формулировки, имеющиеся в первой статье, возможно, принадлежат бланкистам. Это, во-первых, слова о «низложении привилегированных классов». В первом параграфе устава Союза коммунистов говорилось более определенно о «низложении буржуазии». Во-вторых, ни до этого документа, ни после него Маркс и Энгельс никогда не употребляли выражения «последняя форма устройства человеческого рода». Они обычно применяли термин «человеческое общество», который и вошел в исторический материализм.

Вторая статья соглашения формулировала идею пролетарского интернационализма: «Для содействия осуществлению этой цели общество заявляет узы солидарности между всеми фракциями коммунистической революционной партии, уничтожая — согласно принципу республиканского братства — национальные разделения»²⁸.

Эта формулировка не может быть признана вполне удачной: Маркс и Энгельс обычно не применяли термина «республиканское братство», когда хотели выразить мысли о международном единстве пролетариев.

Остальные статьи документа посвящены организационным вопросам. Статья третья устанавливала, что учредительный комитет общества констигуируется в Центральном комитете, который имеет право образовать комитеты на местах по своему усмотрению. Число членов общества, указано в четвертой статье, не ограничено, но ни один человек не может быть принят иначе, как единогласно. Все постановления принимаются большинством двух третей голосов (ст. 6). В пятой статье соглашения отмечено, что всякое отклонение от первой статьи «освобождает членов общества от их обязательств», т. е. ведет к разрыву соглашения.

Маркс и Энгельс придавали большое значение соглашению с бланкистами о создании Всемирного общества коммунистов-революционеров. Во втором Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов в июне 1850 г. было специально отмечено, что к Союзу присоединилась «действительно пролетарская партия, вождем которой является Бланки». Далее в Обращении говорилось, что представители тайных бланкистских обществ находятся в постоянной связи с делегатами Союза и поручили коммунистам «важные подготовительные работы в интересах предстоящей в ближайшее время французской революции»²⁹. Характер этих поручений нам установить не удалось.

Однако соглашение с бланкистами оказалось недолговечным. Уже вскоре бланкисты стали тяготиться условиями союза с коммунистами и стремились расширить свои связи путем вступления в блок с мелкобуржуазной эмиграцией, которая на словах поклонялась Бланки — «великому мученику революции» и была склонна к шумным «ультрареволюционным» декларациям о необходимости свержения существующих правительств.

та», «диктатура пролетариата» разъяснены еще до революции 1848 г. в «Ницете философии» и в «Манифесте Коммунистической партии».

Письмо Маркса Лювигу представляет значительный интерес прежде всего потому, что содержит свидетельство самого Маркса о провозглашении им идеи диктатуры пролетариата уже в 1847 г. Кроме того, этот документ свидетельствует, что идея диктатуры пролетариата, как главная идея марксизма, никогда не противопоставлялась задаче ликвидации классов вообще, но органически связывалась с этой задачей, ибо диктатура пролетариата рассматривалась лишь как переходная ступень к ликвидации классов. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 339.

²⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 257—267.

²⁸ Там же, стр. 551. Приложения.

²⁹ Там же, стр. 328.

Уже 6 мая 1850 г. Маркс и Энгельс в письме к одному из французских революционных эмигрантов — Пардигону были вынуждены напомнить о необходимости держаться подальше от «шарлатанов» и «мошенников», выдающих себя за революционеров, предупреждая, что в противном случае Союз коммунистов прекратит с бланкистами дружеские отношения³⁰.

В сентябре — октябре 1850 г. Маркс и Энгельс на основе тщательного анализа событий пришли к выводу о наступлении относительно мирного (нереволюционного) периода развития капитализма, к выводу о невозможности революции в ближайшее время, но крайней мере до нового экономического кризиса.

В соответствии с этими выводами они разработали новую тактику Союза коммунистов, которая была рассчитана на соби́рание сил для будущей революции. Непосредственная подготовка революционного выступления временно была признана нецелесообразной, и основное внимание было обращено на подготовку масс к будущей революции путем пропаганды идей коммунизма.

Такое глубокое понимание сложившейся политической и экономической ситуации и необходимости новой тактики пролетарской партии оказались не под силу мелкобуржуазной эмиграции. Отстаиваемая Марксом и Энгельсом сдержанность была ею воспринята как отказ от революционной борьбы. Марксистской тактике она пыталась противопоставить свою собственную, суть которой сводилась к требованию немедленно «сделать» революцию. Эмигранты в Лондоне составляли списки временных правительств будущих европейских республик, развивали энергичную, но не очень результативную деятельность по реализации в Америке «революционного займа» для нужд европейской революции. Большинство эмиграции, в том числе и ее пролетарские элементы, перешло в лагерь буржуазно-демократических «делателей революции». Разногласия захватили и Союз коммунистов. Виллих, Шапшер и их сторонники выступили с авантюристическим требованием форсировать революцию в Германии. В Союзе произошел раскол. Большинство ЦК Союза коммунистов поддержало Маркса и Энгельса, зато подавляющее большинство рядовых членов Союза оказалось на стороне фракции Виллиха — Шапшера.

Лондонские бланкисты в этот момент не удержались на пролетарских позициях. Это было закономерным следствием их авантюристической политики, которая в период мирного развития зачастую сводилась к игре в захват власти. После раскола Союза коммунистов в сентябре 1850 г. большинство из них поддержало фракцию Виллиха — Шапшера и стало на путь соглашения с мелкобуржуазными демократами.

7—8 октября 1850 г. Бартелеми, Адаи и Видиль направили Марксу и Энгельсу письмо следующего содержания:

«Граждане!

Мы имеем честь информировать Вас, что мы должны в течение этой недели созвать собрание для обсуждения дел ассоциации, которую мы сформировали. Мы уже сообщили об этом господину Виллиху. Мы будем ждать, что Вы нас поставите в известность о времени и месте встречи; эти последние для нас не имеют значения»³¹.

Ответ последовал на другой день. Маркс, Энгельс и Гарни извещали бланкистов, что уже давно считают ассоциацию фактически распущенной. Они приглашали Адаи или Видиля явиться 13 октября 1850 г. на квартиру Энгельса, чтобы быть свидетелями сожжения договора, заключенного в апреле³².

Есть основания полагать, что бланкисты, считая ответ достаточно

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 76. Нам неизвестен ответ, неизвестно, направлено ли само письмо. До нас дошел лишь его черновик.

³¹ Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 5, док. 311/4425.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 439.

ясным, не явились и этим спасли для историков в высшей степени интересный документ, который был сохранен Энгельсом.

О присоединении лондонских бланкистов, в частности участников соглашения, к мелкобуржуазной демократии и об их отходе от революционных позиций Бланки наглядно свидетельствует эпизод с так называемым «тостом Бланки», происшедший 24 февраля 1851 г., в день третьей годовщины февральской революции.

По случаю этой годовщины мелкобуржуазная эмиграция под руководством Луи Блана и руководителей бланкистского эмигрантского общества — Бартеlemi, Адама и других совместно с фракцией Виллиха — Шаппера организовала международный митинг. На митинге 24 февраля 1851 г. присутствовало около 700 человек: 200 чартистов, приблизительно 150 французов, 250 немцев, а также поляки и венгры. Зал был украшен знаменами и портретами Робеспьера, Гарибальди, Кошута, Бланки, Кабе, Роберта Блюма, Барбеса. Председательствовал Виллих. Луи Блан, Видиль, Ландольф огласили приветствия от французских рабочих. Шаппер прочел приветствие из Швейцарии, Завашкевич приветствовал от поляков. Приверженцы Виллиха сначала оскорбили, а затем избили присутствовавших на митинге с информационной целью членов Союза коммунистов Шрамма и Пипера. Инцидент был прекращен только благодаря вмешательству Гарни, который заявил, что знает Пипера и Шрамма как людей порядочных. На этом же митинге произошел и другой эпизод, весьма отрицательно характеризующий лондонских бланкистов.

Имя Бланки было в то время очень популярным в среде революционной эмиграции. Поэтому раздобыть его приветствие митингу было заветной мечтой его учредителей. Бланки в это время находился в заключении в тюрьме Бель-Иль. Бартеlemi на правах друга обратился к нему с просьбой приветствовать представителей революционной эмиграции. Бланки ответил согласием и прислал свое приветствие, вошедшее в историю под названием «тоста Бланки».

Этот документ представляет значительный интерес для характеристики воззрений Бланки, его отношения к политическим деятелям мелкой буржуазии. Бланки считал, что будущей революции угрожает та же опасность, которая погубила минувшую революцию: популярность буржуазных деятелей, маскирующихся под народных трибунов. К этим деятелям Бланки относил прежде всего членов Временного правительства: Ледрю-Роллена, Луи Блана, Кремье, Мари, Ламартина, Гариье-Пажеса, Дюпона де л'Эра, Флокона, Альбера, Араго, Марраста. Бланки утверждал, что Временное правительство в первую очередь ответственно за поражение революции, за несчастья и кровь многих тысяч жертв. Временное правительство ввело 45-сантимный налог, сохранило законодательство Июльской монархии, ее суд, прежнюю армию. Оно вооруженной силой подавило рабочее движение в Париже, в Лиможе, в Руане. Бланки предостерегал пролетариев против доверия этим людям, если они еще раз попытаются возглавить революцию. «Пусть рабочие всегда помнят список этих проклятых имен; и если хотя бы одно, да, хотя бы одно когда-нибудь окажется в революционном правительстве, пусть все они в один голос крикнут: «Измена!»»³³.

В качестве мероприятий, которые революционное правительство должно будет провести в первую очередь, Бланки указал на разоружение буржуазной гвардии, вооружение рабочих и создание их военной организации. Он отмечал, что будущее революционное правительство не может ограничиться этими мерами, но они являются непременным условием и единственным надежным залогом безопасности народа.

«Оружие и организация,— писал Бланки,— вот главное орудие прогресса, решительное средство покончить с нищетой.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 570. Приложения.

У кого меч, у того и хлеб! Перед оружием падают ниц, безоружную толпу разгоняют. Франция, ошестившаяся штыками рабочих,— вот пришествие социализма»³⁴.

Бартеlemi получил письмо Бланки накануне праздника. Ознакомившись с его содержанием, он передал его президиуму, состоявшему из Луи Блана, Ландольфа, Виллиха, Шаппера, Видиля; президиум принял решение не оглашать тоста. Однако Бланки хорошо знал, с кем имеет дело; он распорядился опубликовать свой тост во французской прессе. Это вызвало переполох в среде мелкобуржуазной эмиграции Лондона. Луи Блан, Бартеlemi, Шаппер, Виллих и другие члены президиума направили в газеты опровержение, заявив в нем, что никакого приветствия от Бланки они не получили. Публикуя это опровержение, газета «Patrie» предпослала ему заявление от редакции, в котором говорилось, что газета провела предварительную проверку и получила от шурина Бланки господина Антуана сообщение, что письмо Бланки было послано Бартеlemi, который подтвердил его получение.

Между тем другой бланкист — Видиль направил в «Patrie» разъяснение, в котором писал, что чувство чести и правдивости заставляет его заявить: тост Бланки был получен своевременно и был известен президиуму. Видиль сознался, что в своем первом заявлении он сказал неправду, как и остальные лица, подписавшие заявление, а также Луи Блан, пославший ложное разъяснение в «Times».

Бартеlemi, не прочитав письма Видиля, сделал отчаянную попытку спасти положение, прибегнув к новой лжи. Он заявил, что тост Бланки был им получен, но он скрыл его от президиума и не огласил, не желая нарушать гармонии³⁵. Публикуя это письмо, газета «Patrie» снабдила его следующим предисловием:

«Мы часто задавали себе вопрос,— а на него ответить не легко,— что у демагогов развито сильнее: бахвальство или глупость? Полученное нами четвертое письмо из Лондона делает ответ для нас еще более затруднительным. Сколько же там этих несчастных созданий, до такой степени снедаемых жаждой писать и видеть свое имя напечатанным в *реакционных* газетах, что их не останавливает даже бесконечный позор и самоунижение! Какое им дело до насмешек и негодования публики, ведь «Journal des Débats», «Assemblée nationale», «Patrie» напечатают их стилистические упрямления. Для достижения такого счастья никакая цена не покажется слишком высокой этой космополитической демократии... Во имя литературного сострадания мы помещаем поэтому нижеследующее письмо «гражданина» Бартеlemi,— оно является новым и, мы надеемся, последним доказательством подлинности отныне знаменитого тоста Бланки, существование которого они сначала все отрицали, а теперь готовы вцепиться друг другу в волосы из-за того, кто его удостоверит»³⁶.

Таким образом, лондонские бланкисты Бартеlemi и Видиль порвали не только с коммунистами, но также и со своим учителем и были вынуждены скрывать отношение Бланки к их новым союзникам.

Иначе отнеслись к тосту Бланки коммунисты, хотя их союз с бланкистами уже не существовал. Энгельс высоко оценил этот документ как «великолепную атаку на все временное правительство, в том числе на Блана и К^о»³⁷. 9 июля 1851 г. Энгельс писал Дронке: «Мы перевели тост на немецкий язык и распространили его в 30 000 экземпляров в Германии и Англии»³⁸.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 570. Приложения.

³⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 104; т. 8, стр. 317—318.

³⁶ Цит. по К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 318, см. также т. XXI, стр. 174—175.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 104.

³⁸ Там же. Изданию было предпослано следующее введение: «Несколько жалких обманщиков народа, как называемый Центральный комитет европейских социальных демократов, в действительности же комитет европейского центрального

Своим тостом Бланки объективно способствовал разоблачению лидеров мелкобуржуазной эмиграции. Непримируемость Бланки в отношении соглашателей и объективных предателей революции, его требования вооружения пролетариата и разоружения буржуазии были одобрительно восприняты Марксом и Энгельсом.

Лондонские бланкисты оказались ненадежными союзниками коммунистов и вскоре перешли в лагерь мелкобуржуазной демократии, вступив в тесные сношения с теми политическими деятелями, врагом которых был Бланки³⁹. Но среди бланкистов были также деятели, которые в дальнейшем принимали активное участие в рабочем движении. Некоторые из них вошли впоследствии во французские секции I Интернационала. Бланкистами были многие из руководителей Парижской коммуны.

* * *

Иначе сложились отношения Маркса и Энгельса с левыми руководителями чартистского движения. И после разрыва с бланкистами Маркс и Энгельс поддерживали тесные связи с Д. Гарни и Э. Джонсом.

Подводя итог работы Союза коммунистов за второй квартал 1850 г., Центральный комитет с полным основанием писал: «Вожди революционной чартистской партии... находятся в постоянной тесной связи с делегатами Центрального комитета. Ее печатные органы предоставлены к нашим услугам. Разрыв между этой революционной самостоятельной рабочей партией и фракцией, руководимой О'Коннором, которая более склонна к примирению с буржуазией, был значительно ускорен делегатами Союза»⁴⁰.

В течение 1850—1852 гг. Маркс, Энгельс и их друзья по Союзу коммунистов принимали деятельное участие в чартистском движении.

13 сентября 1850 г. «Westdeutsche Zeitung» опубликовала сообщение о речи Энгельса против генерала Гайнау на митинге общества «Братских демократов». Палач венгерской революции Гайнау «прославился» тем, что во время подавления революционного движения в Венгрии подвергал телесным наказаниям попавших в плен венгерских революционеров, в том числе женщин, отправлял на виселицы лучших людей венгерского народа. В 1850 г. Гайнау приехал в Лондон. При посещении пивоваренного завода Барклея и Перкинса он был схвачен рабочими и подвергнут экзекуции. Этот эпизод проник в печать; английская пресса, за исключением «Times», встала на сторону рабочих.

Газета Гарни «Red Republican» напечатала «общественную благодарность бравым рабочим завода господ Барклея и Перкинса» за то, что они воздали должное «убийце и злодею Гайнау». Общество «Братских демократов» организовало по этому поводу митинг в Фаррингтон-холле, на котором был одобрен поступок рабочих завода Барклея и Перкинса и принято, согласно сообщению газеты, следующее решение: «Гайнау надо

сбродра, под руководством гг. Виллиха, Шаппера и т. д., праздновали в Лондоне годовщину февральской революции. Луи Блан — представитель сентиментального фразерствующего социализма, интригуя против другого предателя народа — Ледрю-Роллена, присоединился к этой клике второсортных претендентов. Они зачитали на своем банкете различные адреса, которые якобы были посланы им. Из Германии, несмотря на все усилия, им не удалось выклянчить никакого послания. Благоприятный симптом развития немецкого пролетариата! Они написали также Бланки, благородному мученику революционного коммунизма, с просьбой прислать адрес. Он ответил им следующим тостом». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 569. Приложения.

³⁹ Судьба бланкистов в Лондоне сложилась следующим образом: Видиль вскоре попал в тюрьму, а затем отошел от участия в революционном движении, Бартеlemi был казнен в 1855 г. по обвинению в убийстве, Адаи уехал из Англии, с 1853 г. его след теряется. Единственным бланкистом, с которым Маркс был как-то связан, оставался врач Лакамбр. Последнего часто навещал Бланки во время своего пребывания в Лондоне.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 328.

объявить врагом рода человеческого и врагом закона. Народная юстиция вовремя вспомнила об этом; поэтому brave господа с завода Барклея и Перкинса сослужили человечеству хорошую службу, линчевав Гайнау». В сообщении далее говорилось: «Господин Фридрих Энгельс (прежний соредактор «Neue Rheinische Zeitung») выразил английским рабочим свою глубокую благодарность за совершение наказания Гайнау и был встречен аплодисментами. В ближайший понедельник в той самой гостинице, где впервые остановился Гайнау, состоится концерт для венгерских беженцев, ожидается большое количество присутствующих»⁴¹.

В это время Маркс и Энгельс оказывали влияние на чартизм преимущественно путем участия в чартистской прессе.

Из письма Гарни Марксу от 26 октября 1850 г. можно заключить, что Маркс обращался к нему с просьбой написать статью для «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» о состоянии чартистского движения. Не отвергая предложения о сотрудничестве, Гарни сообщает, что обстоятельства не позволили ему подготовить статью. Он ссылается на свою занятость, но истинная причина отказа довольно ясно видна из заключительных строк его письма: «Партия движения находится в настоящее время в состоянии такого хаоса, что для того, чтобы писать о ней и осмелиться судить о ее состоянии через два месяца, нужно быть пророком, каковым, конечно, не является Вам всегда братски преданный Д. Джулиан Гарни»⁴².

В ноябре 1850 г. «Red Republican» поместил перевод «Манифеста Коммунистической партии», сделанный Еленой Макфарлейн. С этих пор программа научного коммунизма стала известной широким слоям чартистов⁴³.

9 декабря 1850 г. Гарни обратился к Энгельсу с просьбой написать что-нибудь для «The Friend of the People». В частности, он хотел бы получить английский перевод «Крестьянской войны в Германии» и просил об этом Энгельса⁴⁴. Перевод этого произведения так и не появился в органе Гарни.

В письмах Гарни к Энгельсу нашла некоторое отражение борьба внутри чартистского движения между его левым крылом и примиренческой фракцией О'Коннора. 16 декабря 1850 г. Гарни писал Энгельсу: «Если ты читаешь «Star», то ты должен знать, как озлоблена эта банда против Эрнеста [Джонса]. А в то же время Фюргюс [О'Коннор] льстит ему открыто, а тайно клеветает на него, интригует против него».

Эрнест знает это и, кажется, решил довести борьбу до конца»⁴⁵. В другом письме Гарни сообщал, что О'Коннор угрожал Джонсу насилием⁴⁶.

Большое значение имели работы, помещенные Марксом и Энгельсом в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», их выступления в немецком рабочем обществе и более всего их мировоззрение, которое не стало, правда, ни программой, ни знаменем чартизма, но во многом помогло лидерам левого крыла чартизма в их борьбе за возрождение движения.

По мере усиления раскола внутри политической эмиграции и обострения борьбы Маркса и Энгельса против мелкобуржуазных демократов становилось ясно, что Гарни все больше склонялся к блоку с последними. 24 февраля 1851 г. он принял участие в митинге, посвященном третьей годовщине февральской революции в Париже, о котором говорилось выше. Правда, Гарни не безоговорочно примкнул к «революционерам фразы» и не порвал окончательно с Марксом и Энгельсом. Так, например, 15 марта 1851 г. его орган «The Friend of the People» опубликовал письмо

⁴¹ «Westdeutsche Zeitung», 13.IX.1850.

⁴² Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 5, док. 314/7140.

⁴³ Маркс и Энгельс были указаны здесь в качестве авторов. До этого Манифест печатался анонимно. См. «Red Republican» 9—30.XI.1850.

⁴⁴ Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 5, док. 323/7025.

⁴⁵ Там же, док. 325/7026.

⁴⁶ Там же, док. 55—57/7017.

К. Шрамма об оскорблении, нанесенном ему на митинге. В примечании к этому письму Гарни выразил Шрамму свое доверие, ссылаясь на связь последнего с Марксом и Энгельсом⁴⁷. Опубликование письма Шрамма и примечания Гарни помогло предотвратить разрыв последнего с Марксом и Энгельсом. Однако в дальнейшем связи Маркса и Энгельса с Гарни не носили дружественного характера, они прекратили сотрудничество в «The Friend of the People», так как Гарни стал предоставлять страницы этой газеты для популяризации документов мелкобуржуазной демократии⁴⁸.

В апреле 1851 г. чартистская конференция, которую сами чартисты называли Национальным конвентом, приняла новую программу, в которой влияние Маркса и Энгельса чувствовалось очень сильно⁴⁹. Политическое значение этой программы становится еще очевиднее при сопоставлении ее с проектами той части буржуазных радикалов, которая некогда принимала участие в чартистском движении. Радикал Юм 20 июня 1848 г. внес в английский парламент следующее предложение: «Имея в виду, что настоящая палата в том составе, в коем она ныне конституирована, не является подлинным представителем населения, собственности и труда страны, вследствие чего в умах большей части народа возникло широкое и растущее недовольство, целесообразно исправить настоящее представительство с таким расчетом, чтобы расширить число избирателей путем включения в его состав всех съемщиков домов, чтобы было введено тайное голосование, чтобы срок работы каждого парламента не превышал трех лет и чтобы избрание членов парламента более точно соответствовало населению»⁵⁰. Этот документ, получивший наименование «малая хартия», стал программой «парламентских и финансовых реформистов»⁵¹. «Малая хартия» не содержала главного требования чартистов — введения всеобщего избирательного права и создания таких условий, при которых это право могло бы осуществляться в Англии. Парламент отверг предложение Юма. Он повторил его в 1852 г., опубликовав новую программу, в которой он, отказываясь от «малой хартии», ограничивался лишь требованием тайного голосования. Сравнение чартистской программы 1851 г. с «малой хартией» наглядно показывает глубину пропасти между чартистами и радикалами в вопросе о демократизации политического строя Англии.

Процесс размежевания чартизма коснулся и революционного крыла движения. Его выражением явились колебания Гарни в вопросе о взаимоотношениях с мелкобуржуазной эмиграцией. По этой причине Джонс решил приступить к изданию в противовес органу Гарни своего собственного органа — «Notes to the People»⁵². Маркс не только одобрил решение Джонса, но и оказывал ему всяческую поддержку.

23 мая 1851 г. Джонс обратился к Марксу с просьбой написать статью

⁴⁷ «Совершенно верно, — писал Гарни, — что Шрамм принимал участие в собраниях английских демократов, что он писал в «Демократическом обозрении». Разумеется, я никогда не способствовал бы его выступлениям перед английской публикой, будь то на митингах или в печати, если бы не имел к нему полного доверия как к человеку и как к демократу.

Рекомендация мне мистера Шрамма моими старыми друзьями Марксом и Энгельсом является лучшей гарантией его честности. У меня нет оснований усомниться в том доверии, которым он пользуется с самого начала нашего знакомства, и я без колебаний выражаю свое полное доверие к его политической честности. Д. Джулиан Гарни. — «The Friend of the People», 15.III.1851.

⁴⁸ 15 марта его газета поместила манифест «Центрального комитета европейской демократии», подписанный лидерами мелкобуржуазной демократии Ледрю Ролленом, Мадзини, А. Дорашем и А. Руте, в котором излагались враждебные марксизму взгляды. — Ibidem.

⁴⁹ Вопрос об этой программе подробно рассмотрен в статье Б. А. Рожкова «О программе чартистского конвента 1851 г.» — «Вопросы истории», 1957, № 2, стр. 108—122.

⁵⁰ См. «Hansard's Parliamentary Debates», Third series, vol. 99. London, 1848, p. 879.

⁵¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 316.

⁵² «Notes to the People», еженедельный журнал, выходил в Лондоне по субботам с 3 мая 1851 г. по 8 мая 1852 г.

о современной французской конституции⁵³. Маркс дал свое согласие⁵⁴, и в следующем письме Джонс благодарил его за обещанную помощь⁵⁵.

Маркс направил Джонсу статью «Конституция Французской республики, принятая 4 ноября 1848 г.», которая была опубликована в «Notes to the Peoples» 14 июня 1851 г. По замыслу Джонса, она должна была открыть серию статей о конституциях европейских государств.

Анализируя французскую конституцию, Маркс вскрыл ее лживый, фарисейский характер и показал, что буржуазия может признать правильность демократических принципов, но никогда не осуществит их на практике. Рассказав о положении рабочего класса Франции, Маркс сделал вывод: «Ни крепостные в эпоху феодализма, ни индийские парии не могут идти в сравнение с французскими рабочими. И неудивительно, что французские рабочие с нетерпением ждут часа восстания»⁵⁶.

Статья Маркса способствовала росту политического самосознания английских рабочих, облегчала их вовлечение в политическую борьбу. Политическая актуальность статьи, помимо всего прочего, состояла в том, что правовое положение английских рабочих во многом совпадало с положением их французских собратьев. Это не могло не навести английского пролетария на мысль о необходимости объединения усилий рабочего класса всех стран в борьбе за свои политические права.

9 июня 1851 г. Джонс вновь обратился к Марксу: «Милый, добрый друг, — писал он. — На помощь! На помощь! Прусская конституция. Она мне необходима. В среду я приступаю к печатанию. В самом деле, мой дорогой Маркс, очень дурно с моей стороны беспокоить тебя, но ты сам знаешь цену братства. И если ты не поможешь мне с «Европейскими конституциями», то я не знаю, кто сделает это. Скажу тебе, что мне еще нужно — мне нужно сообщение о социальном положении немецких рабочих в качестве приложения к статье. Например, стеснительные полицейские постановления — правила, связывающие рабочих, и т. д... Если бы ты согласился подписать свое имя под статьей — это доставило бы мне еще большее удовольствие»⁵⁷.

Последнее замечание Джонса особенно интересно и должно привлечь внимание исследователя истории марксизма; оно свидетельствует о том, что Маркс писал в «Notes to the People» анонимно.

В десятом номере своего журнала Джонс поместил «Прощальное слово Новой Рейнской газеты» и «Венгрию» Фрейлиграта, перевод которых был сделан самим Джонсом⁵⁸. В органе Джонса принимали участие также Эккариус, Пипер⁵⁹. Последний был очень неаккуратным корреспондентом, и Джонс постоянно обращался к Марксу с просьбой повлиять на него⁶⁰. Благодаря сотрудничеству Энгельса, Фрейлиграта, Эккариуса, Пипера — людей, которые группировались тогда вокруг Маркса, журнал Джонса превращался в ведущий орган революционной демократии в Англии.

Журнал «The Friend of the People» Гарни, наоборот, находился в тяжелом состоянии и с июля 1851 г. перестал выходить. Пытаясь создать новую газету, Гарни вступил в блок с противниками Маркса — Руге, Гаугом, Луи Бланом, Хентом, Холиоком и другими. В письме к Энгельсу от 16 января 1852 г. Джонс оценил это мероприятие как направленное не

⁵³ Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 5, док. 374/7592.

⁵⁴ Ответное письмо Маркса не сохранилось.

⁵⁵ Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 5, док. 376/7593.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 536.

⁵⁷ Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 5, док. 379/7595. Статья «Прусская конституция» была опубликована в «Notes to the Peoples» авторство ее не вполне установлено, но черу Маркса она не принадлежит.

⁵⁸ Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 5, док. 383/7596.

⁵⁹ Там же, док. 394/7599.

⁶⁰ «Разорви Пипера на части, но заставь его прислать мне статью в кратчайший срок». — Там же, док. 394/7599, 404/7600, 414/7597.

только против него, но и против «партии Маркса». «Я говорю тебе,— писал он,— это направлено против меня, более того, против нас. Шаппер, Виллих, Луи Блан, Флеминг, Хент, Холиок, Райнольдс — все будут поддерживать Гарни, чтобы погубить нас»⁶¹. Он убедительно просил Энгельса прислать ему что-нибудь. Энгельс ответил присылкой прекрасной статьи «*Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого (1851) года*»⁶². «Браво! Превосходно! Большое спасибо»,— писал Джонс, получив статью⁶³.

Благодаря поддержке Маркса и Энгельса журнал Джонса и выходившая после его закрытия газета «*The People's Paper*» сделались лучшими печатными органами революционной демократии Англии.

Изучение участия Маркса и Энгельса в чартистской прессе представляет большой интерес. Много лет спустя после событий, о которых идет речь, в 1864 г. Маркс писал Энгельсу: «*A propos! Случайно мне подвернулись под руку несколько numbers «Notes to the people» Эрнеста Джонса (за 1851, 1852 гг.), которые, поскольку дело идет о статьях по экономическим вопросам, в основном печатались под моей редакцией, а отчасти были написаны и при моем прямом сотрудничестве (подчеркнуто мной.— М. М.)... И что же я там нахожу? Что мы тогда вели против кооперативного движения,— поскольку оно, в своей нынешней тупо-ограниченной форме, претендует на то, чтобы быть последним словом,— ту самую полемику,— но только лучше,— которую спустя десять-двенадцать лет Ласаль вел в Германии против Шульце-Делича*»⁶⁴.

Вопрос о выявлении влияния Маркса на чартистскую прессу не стал еще предметом исследования советских историков, хотя и заслуживает этого. Мы укажем лишь, что в «*Notes to the People*» за 1851 г. имеется ряд статей, посвященных экономическим вопросам, в частности вопросам кооперативного движения. Все статьи подписаны Эрнестом Джонсом, но их содержание, характер полемики, стиль изложения, аргументация позволяют предполагать, если не авторство Маркса, то его участие в редактировании. В статье «*Письмо защитникам кооперативного принципа и членам кооперативных обществ*» автор указывал, что является искренним защитником кооперации и только это вынуждает его взяться за перо и выступить против порочных путей, по которым пошло кооперативное движение. «Я утверждаю,— писал он,— что кооперация в том виде, как она развивается сейчас, должна привести к разорению большинства занятых в ней лиц и что она лишь усугубляет зло, которое якобы призвана упразднить»⁶⁵. Доказав экономическую невозможность осуществления всеобщего кооперирования в условиях буржуазного строя, ибо кооперация погибнет в борьбе с мощными капиталистическими предприятиями, автор указывал, что сторонники кооперативного движения оставили в стороне вопросы политической борьбы. Он обращал внимание читателей на то, что, пока политическая власть находится в руках богатей, никакие экономические предприятия, в том числе и кооперативные, не могут рассчитывать на длительный успех. «Вам мешает политический закон, отменить который может только политическая власть»⁶⁶.

Подчеркивание значения борьбы за политическую власть было большой заслугой лидеров левого крыла чартизма. В этом вопросе с особой наглядностью сказалось влияние идей научного коммунизма.

Второй вывод, к которому пришел автор статьи, заключался в том, что кооперативное движение может иметь успех лишь в том случае, если будет общенациональным. Только при этом условии интересы различных

⁶¹ Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 5, док. 451/7575.

⁶² См. «*Notes to the People*», 1852, № 43, 48, 50.

⁶³ Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 5, док. 460/7577.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 207.

⁶⁵ «*Notes to the People*», 1851, № 2, р. 27.

⁶⁶ Ibidem.

коопераций будут не противоречить друг другу, а совпадать, только в этом случае можно добиться единства действий и общности интересов⁶⁷. «Если вы хотите возродить общество, если вы хотите уничтожить прибыль, если вы хотите заменить конкуренцию братским единством интересов и противодействовать централизации богатств и всем вытекающим из нее бедам, национализируйте кооперацию»⁶⁸, — заканчивал автор.

Призывы к политической борьбе и национализации кооперации вызвали резкие возражения со стороны буржуазных и мелкобуржуазных кооператоров. Один из них — Ванситарт Ниль — обвинял Джонса в «приверженности к коммунизму» и требовал отказа от политической борьбы. «Подлинной республикой рабочего является республика мастерской», — заявлял он. Призывая к классовому миру и сотрудничеству, Ниль утверждал, что господствующие классы не противодействуют кооперации. «Что сделали богачи для того, чтобы раздавить кооперацию?» — спрашивал он⁶⁹. Ему блестяще ответил Джонс в статье «Кооперативное движение».

«Но мистер Ниль спрашивает нас: «Что сделали богачи для того, чтобы раздавить кооперацию?». Странный вопрос. Что мешает прогрессу кооперации? Против чего мы боремся? Что нас задерживает? — Состояние законов. Кто делает законы? — Богачи. Вот что сделали богачи, чтобы помешать кооперации. Не спрашивайте же: «что они сделали?»»⁷⁰. Иными словами, Джонс проповедовал непримиримость классовой борьбы — тот самый принцип, который лежал в основе деятельности Союза коммунистов⁷¹.

* * *

Предпринятая Марксом и Энгельсом в апреле 1850 г. попытка создания международной пролетарской организации, базирующей свою деятельность на принципах научного коммунизма — «Всемирного общества коммунистов-революционеров», — не увенчалась успехом.

В связи с расколом Союза коммунистов и обострением борьбы между пролетарскими и мелкобуржуазными элементами внутри лондонской эмиграции Общество вскоре распалось. Это свидетельствовало о незрелости в то время рабочего класса даже наиболее развитых европейских стран.

Однако в этот период Союз коммунистов и в первую очередь его вожди Маркс и Энгельс проделали большую и полезную работу среди бланкистов, которая дала результаты позднее. Влияние идей научного коммунизма на левое крыло чартистского движения оказалось более сильным. Прежде всего, благодаря Союзу коммунистов был ускорен раскол между примиренческой фракцией О'Коннора и революционным крылом чартизма. В чартистской прессе был опубликован ряд произведений Маркса и Энгельса, в том числе их бессмертное творение «Манифест Коммунистической партии». Чартистские издания того периода испытали на себе значительное

⁶⁷ «Notes to the People», 1851, № 2.

⁶⁸ Ibid., p. 31.

⁶⁹ «Notes to the People», 1851, № 23, p. 473—477.

⁷⁰ Ibid., p. 473.

⁷¹ Значительный интерес представляет эволюция взглядов Джонса по аграрному вопросу. Джонс выступал первоначально сторонником земельного проекта О'Коннора. 3 августа 1846 г. на чартистской конференции Джонс требовал исключения из чартистской партии Томаса Куэра за его выступление против упомянутого плана О'Коннора. (См. Р. Гаммедж. История чартизма. СПб, 1907, стр. 315). После революции 1848 г. Джонс решительно выступил против мелкой земельной собственности, в насаждении и укреплении которой заключался смысл проекта О'Коннора. Единственно приемлемым для трудового народа путем решения аграрного вопроса Джонс считал теперь национализацию земли, связывая ее с взятием политической власти. Вслед за национализацией земли Джонс предлагал приступить к организации кооперативных товариществ. Следовательно в ходе движения Джонс коренным образом изменил свои воззрения на решение земельного вопроса: от поддержки утопических проектов О'Коннора он перешел к системе взглядов, которая содержала много рационального.

влияние идей научного коммунизма, которое проявилось, в частности, в решении вопроса о кооперации. Чартистский конвент 1851 г. принял программу, которая была самым революционным документом чартизма. В ее основе лежали идеи об исторической миссии рабочего класса, призванного освободить человечество от гнета капиталистической эксплуатации, и о значении пролетарской партии как политического вождя трудящихся.

Союз коммунистов, сыгравший в истории международного рабочего движения исключительно важную роль, не превратился в международный центр пролетарского движения, не стал массовой организацией и в 1852 г. прекратил свое существование. Однако современное коммунистическое движение с полным правом считает себя наследником и продолжателем этой первой в мировой истории марксистской, коммунистической организации.

